

Начало

Сейчас я был на окраине города, где не было каналов, почти не было людей, не было домов. Все они остались позади, поэтому меня окружала относительная тишина. Один ветер свистел в листьях. Он проникал под мою куртку, залезал за воротник. Я покрывался дрожью и сам не понимал — то ли это от холода, то ли это от страха. Когда я стал слышать отчётливые шаги, которые отбивали ритм в пульсирующих висках, я догадался поспешно вынуть из чёрного носка на ноге карандаш и мятую бумажку. Я быстро нацарапал текст на бумаге карандашом, который сжимал дрожащими пальцами. От этого почерк вышел более корявым, чем обычно:

«Найдёте это раньше меня — значит, я был не прав».

Это всё, что я успел написать, прежде чем выбросил в сторону этот несчастный кусок бумаги. Его подхватило ветром и отнесло к дубу, с которого так и не успели опасть листья. Иней покрывал его ветки вместе с ними.

И как сейчас я ни пытался себя успокоить, каждая мысль во мне разрывалась ураганом — да так, что перед глазами то и дело всплывали страшные образы. Оставалось только надеяться, что моё сообщение найдут после того, как я всё сделаю. И я также надеялся, что не ошибался. А иначе этот промах мог стать для меня чем-то вроде конца всего.

Хотя я и другие и так были в конце — абсолютно бесславном и чёрном, как ночь в густом лесу. В этот момент я почувствовал это слишком остро.

Часовой циферблат

Несколько месяцев назад.

Когда я узнал о том, что провалился на экзаменах — это было в тот момент, когда мне позвонили по Скайпу мои друзья и пугающим, тихим тоном сообщили неприятную новость — я почувствовал, что всё вмиг перевернулось с ног на голову. Это была слишком яркая вспышка, ослепившая меня и моё сознание. За ней последовали очередные фейерверки, и в этот раз они были от моих мамы с папой, которые вдруг решили начитаться нотаций, чтобы я почувствовал себя неудобно (не тут-то было). Папа каким-то удивительным образом умудрился расшвырять мамины любимые тарелки по кухне, пусть даже это действие было привычно для матери, и мимоходом дал мне подзатыльник.

Просто отлично.

Я умудрился узнать, что был никчёмным сыном, да и в целом мои девятнадцать лет были практически бессмысленными и абсолютно пустыми. Наверное, не будь я собой, то определённо сбежал бы из дома, как делают многие в моём возрасте, не вытерпев подобного давления, сломавшись от него. Может, устроил бы душеспитательную сцену с

извинениями или наоборот — разразил бы грандиозный скандал, который сотряс бы все стены в нашем доме. Я всё же ограничился холодным равнодушием, нацепив на лицо небрежное выражение. И так я просидел почти все летние каникулы — по-философски апатично, в полнейшем одиночестве, не считая семьи.

После результатов экзаменов всё кануло в пустоту, из которой я выбирался лишь тогда, когда мои друзья звонили мне по Скайпу. Они были куда более удачливыми, чем был я, — все поступили в университеты, махнули в крупные города Англии, оставив меня сгнивать в нашем тихом и чрезвычайно скучном городишке на северо-востоке. Своим друзьям я объяснил ситуацию, рассказал, что мне не дали возможность пересдать экзамены из-за троек в четверти, и я был вынужден... остаться на второй год. Пожалуй, именно это пугало меня больше всего, заставляло спину покрыться липкой испариной, голову закружиться. Кто бы мог подумать, что Флеминг Рид, один из игроков футбольной команды, теперь бросивший её из-за грядущего выпуска, останется на второй год? Кто-кто, а я до последнего верил, что мозги меня не подведут, и я хотя бы пройду минимальный порог экзаменов, обеспечу себя аттестатом и со свистом улечу из города в Лондон, где меня уже ждал престижный университет. Крах! — всё разбилось оземь, погребая меня под осколками неудавшихся планов.

Друзья поддерживали меня и подбадривали, но к концу лета я перестал получать от них вести — каждый из них усердно готовился к тому самому дню, как пересечёт порог университетского кампуса, и по жилам его потечёт гордая «студенческая» кровь. А я так и останусь брошенным всеми школьником, которого заставят учить уже пройденные темы по алгебре, геометрии, физике и тому подобному, пока мои друзья будут трясти телами на вечеринках, подшучивать над преподавателями и с треском проваливать экзамены, чтобы потом прийти на пересдачу.

Боже, во что же я влип? — подумал я, когда оставалось три, два, один... ноль дней. И мой час настал — тот час, когда я проснулся, оглядел как в первый раз свою комнату с синими обоями, спрятавшимися за плакатами футболистов и парочкой рисунков, которые я извлёк из своего воображения где-то год или около того, когда ещё увлекался живописью. Помню, тогда я по уши влюбился в девушку, которая была старше на два года, и совершенно не мог сдержать романтики. Эта романтика розовым фонтаном била из карандашей и ручек, которыми я писал её портреты. Через несколько дней мне совершенно неожиданно разонравилась эта девушка, когда я посчитал, что для меня она была чересчур искусственна. Ну, правда — я ни разу не видел, как она улыбалась или хотя бы двигала уголками губ. Зато она мастерски двигала длинными ногами, когда шла по коридору, отчего некоторые девочки смотрели ей вслед каким-то змеиным взглядом, и вряд ли он означал что-то хорошее. А я всё же отпустил свою влюбленность к ней, но портрет решил оставить, поэтому теперь на меня со стены глядели холодные кукольные глаза тёмно-вишнёвого цвета. Когда мне казалось, что они требовали слишком много внимания, и мне казалось, не схожу ли я часом с ума, этот рисунок приходилось чем-то закрывать. Например, моей ладонью, и тогда я говорил:

— Люси, не смотри на меня так. Ты же понимаешь, что ты очень красива и не должна гипнотизировать кого-либо. Так что, прошу, перестань.

Я не услышал, как в тот момент, пока я серьёзно глядел в стену, приложив к ней ладонь, и говорил вслух, открылась дверь.

— Флеминг? Ты разговариваешь со стеной?

Я оторвал ладонь от портрета и спрятал за спину, шокировано поглядев на мать:

— Мам, боюсь, ты всё неправильно поняла.

— Знаешь, лучше ничего не говори и собирайся в школу, — она еле заметно покачала головой, отведя округлившиеся глаза в сторону, и продолжила. — Сегодня тебя может отвезти папа, пока мы не решим, что ты заслуживаешь водить машину вновь. Домой вернёшься на автобусе, — сказала она, убрав свои светлые и вечно выющиеся короткие волосы за уши, чтобы не мешались. Затем она повернулась и зашагала прочь от моей комнаты, оставляя меня один на один с моим нарастающим раздражением. Как долго мои родители хотят меня наказывать, ограничивая в чём-либо? Неужели, им недостаточно того, что мне и так придётся ходить целый год в школу? Опять. Моя жизнь превратилась в часовой циферблат, когда началось всё с двенадцати и кончилось там же. Всё шло по кругу — повторяющиеся локации, повторяющиеся люди, слова, движения. И этот круг был одним из кругов ада, определённо.

Именно с такими мыслями я продвигался по школьному коридору, непривычно тихому от того, что все ученики успели разбрестись по классам, а я нарочно тянул время. Оттягивал тот момент, когда мне придётся столкнуться со взглядами новых одноклассников, парой-тройкой смешков в мою сторону и давящими словами учительницы: «Проходи, Флеминг. Рады видеть тебя вновь». Наверняка, сегодня эта фраза прозвучит из уст хотя бы одного преподавателя. Я в этом не сомневался и знал — ничто уже не будет, как прежде. Даже одинокие светло-голубые шкафчики навевали тоску, и обычно узкие коридоры казались ещё более тесными. Доска с новостями, к которой я подошёл в первую очередь, всю блистала новомодными приглашениями на школьные, да и не только, вечеринки, а у меня в это время струился пот по лбу. Сейчас мне даже не с кем было туда сходить, некому позвонить, и не знал я никаких Роджеров и Доджеров, устраивающих тусовку. Меня порадовало только то, что никто не забывал про футбол, и листок бумаги в сине-зелёной рамочке гласил, что через пару недель состоится матч.

— Интересуешься спортом? — послышался слева от меня довольно хриловатый, прокуренный голос. Я повернулся на звук и тут же встретился взглядом с выжженными белыми волосами, а потом уже заметил и зелёные, поддернутые серостью и тусклостью, глаза, густо прорисованные брови. Никак не мог сопоставить голос и то, что я увидел. Передо мной находилась ещё довольно молодая женщина, у которой всё же имелись единичные морщинки под глазами, а на лбу выступала самая заметная из них. Незнакомка была довольно красива, и, будь я старше лет на двадцать, несомненно, пригласил бы её на свидание.

— Чего? — я сделал вид, что не услышал.

— Я говорю, любишь спорт? — странно, не видел её в школе до этого. Она улыбнулась, и уголки её накрашенных красной помадой губ поплыли вверх.

— А, было дело. Играл в местной команде.

Я замолчал, и она молчала. Мы просто смотрели друг на друга: она — внимательно, я — не без доли напряжённости. Я изрядно разволновался, когда её глаза пытались прожечь во мне кратер. Наконец, женщина, словно спохватившись, произнесла:

— О, совсем забыла! Меня зовут Эйда Уивер, но для тебя я мисс Уивер, — добавила чуть серьёзнее. Я протянул ей руку для рукопожатия и сказал:

— А я Флеминг. Флеминг Рид, приятно познакомиться, мисс Уивер. А вы... кто? — я опять почувствовал неловкость в голосе. Когда же это кончится? Я не привык к тому, чтобы какие-то взрослые женщины пытались убить меня взглядом, не отрываясь от произвольной точки на моём лице.

— Я ваш новый психолог. И приятно познакомиться, Флеминг, — опять коротко улыбнулась, видимо, стараясь разрядить обстановку. Увы, вышло не очень. Я всё ещё не понимал, к чему шёл этот бессмысленный разговор. Неужели она хотела, чтобы я записался к ней на курсы?

— С психикой у меня порядок, если что.

Мисс Уивер неожиданно рассмеялась, словно я пошутил, но я даже и не пытался. Я успел только изумлённо поглядеть на неё, прежде чем она продолжила:

— Не волнуйся, я не по твою душу. Я лишь спросила тебя о спорте, чтобы узнать, не хочешь ли ты ходить в наш новый кружок «Портреты жизни»? Это не связано со спортом, но там много ребят из футбольной команды, да и вообще, там довольно интересно.

— И что это за кружок?

— В двух словах этого не опишешь, Флеминг, — она помолчала и сказала позже с энтузиазмом, — но ты обязан прийти и посмотреть хоть один урок. Запомни: каждую неделю и каждый день, кроме понедельника после уроков в кабинете 11В. Там ты и с учениками познакомишься, и проблемы все свои обсудишь. То, что надо для подростков. Придёшь? — спросила она, и я заметил крохотные огоньки, поблескивающие в её сероватых глазах. Эта идея мне определённо не нравилась, да и звучало всё как-то дешево и будто в молодежном сериале о всяких там юношеских реалиях, поэтому я сказал:

— Конечно, приду!

Когда распрощался с мисс Уивер, то уже чуть быстрее пошёл по коридору, оглябая пару кофейных автоматов, ощущая запах напитка и, что не самое приятное, чьего-то пота в воздухе. Каково было моё разочарование, когда я узнал, что это от меня так несло, словно

я обежал периметр школы раз тридцать и не принял душ. Я тут же пообещал себе, что постараюсь больше не опаздывать, чтобы не мчаться по школе в такой спешке и не приобретать этот «тонкий» аромат. В таком виде я забежал в свой класс, мысленно коря себя за то, что согласился посетить эти глупые «Жизненные портреты», или как там было, а ещё и за то, что теперь мои худшие опасения свершились: все ученики посмотрели на меня с немимым удивлением. Как мне показалось, ещё и с укором, но зато учителя ещё не было на месте, и я прошмыгнул мимо ребят, вернувшихся к эмоциональным разговорам. Весь класс снова загалдел, смешался в моих глазах и превратился в кучу орущих или рьяно спорящих тел, столпившихся у разных парт. Слава богу, мне удалось найти свободное и относительно тихое место, за которым восседал мой новый сосед, отвернувшийся в сторону другого ряда, чтобы поболтать с какой-то девушкой. Я плюхнулся на стул и принялся разгружать учебник, тетрадь и ручку, но, когда сосед повернулся в мою сторону, я неукротимо пожелал провалиться под землю. Мне показалось, что этот парень как-то враждебно смотрел на меня. На вид обычный — чёрные волосы закрывали уши, доходили почти до середины шеи, глаза — тёмные, очень заметные скулы. Но от взгляда становилось не по себе. Что ему от меня было надо? Он смотрел на меня серьёзно и будто даже с вызовом. Через пару секунд сосед, на удивление, уже широко улыбался, отчего его тёмные глаза превратились в узкие щёлочки.

— Шалом, новичок! — весело поприветствовал меня этот парень. Я не сразу ответил, потому что не смог прийти в себя от неожиданности. Помолчав, я оглядел этого юношу, чтобы понять, где здесь крылся подвох: вроде обыкновенный худощавый сосед. Я заметил, что кончик носа у него был чуть опущен вниз да и сам он был с горбинкой. Но долго на разглядывании незнакомца я не останавливался. Я всё ещё отходил от недавней сцены, когда он буравил меня сощуренными чёрными бусинами?

— Что? — тоже сощурился я, спустя несколько мгновений, пусть и не от улыбки. Затем до меня дошло. — А, шалом и тебе! Это же по-еврейски?

Паренёк отмахнулся и слегка закатил глаза.

— Не по-еврейски, а на иврите.

— Да он всех так приветствует, — резко повернулся к нам парень за передней партой, отчего я даже вздрогнул. Ему бы только в фильмах ужасов сниматься. В его узких зелёных глазах бегали шаловливые огоньки, а пухлые губы растянулись в не менее хитрой улыбке. Он взлохматил свои тёмные кудрявые волосы и сказал: — Еврей по отцу, что с него взять.

— Но кроме «шалом» ничего не знающий. Сты-до-ба, — членораздельно и чуть серьезнее добавил сосед, поглядев в парту и покрутив шариковую синюю ручку длинными пальцами.

— Я, кстати, Даррелл, — кудрявый протянул мне руку для рукопожатия. Я протянул ему свою в ответ и, ничего не сказав, посмотрел вновь на еврея. Мне поначалу

показалось, что первым должен был представиться он, но, как назло, тот продолжал молчать. Пришлось брать ситуацию в свои руки и, широко растянув губы в улыбке, сказать:

— А я...

— Флеминг, — всё ещё уткнувшись в деревянную парту, от которой отходил запах краски, резкий и даже противный, сказал еврей. — Флеминг Рид, а я Вестер Цукерман, — добавил он, пока я угрюмо глядел на плутоватую улыбку Даррелла. Будь Даррелл рыжим, я бы точно прозвал его «лисом». Он только беззвучно закивал, подтверждая сказанное.

— Откуда...

— Мы знаем? — Вестер вновь меня перебил безжизненным тоном, и я ощутил, как во мне поднимался ком злости — сейчас он был где-то между диафрагмой и глоткой. — Просто я вижу твою ауру и сужу по ней, — продолжал черноволосый, внимательно изучая покрытие парты, медленно проводя по ней узловатым пальцем. Я снова поймал взгляд Даррелла, который откровенно не мог сдержать смеха. Я вообще не видел, что тут было смешного и, не сдержавшись, с силы стукнул кулаком по столу. Прежде чем я открыл рот, чтобы сказать своё мнение, меня уже в третий раз оборвал этот Вестер.

— Что я говорил про ауру? — наконец, он соизволил взглянуть в мою сторону, и меня что-то остановило говорить. Мы поглядели так друг на друга несколько секунд в нелепом молчании, пока его не прорезал дикий хохот. Смеялся и Вестер, смеялся и Даррелл. И, если смех Вестера был искренним и хранил в себе какие-то переливы, то Даррелл смеялся как-то тупо и даже жутко. Это было больше похоже на смех опьяневшего человека, и я даже засомневался: а не выпил ли этот тип, часом, что-то перед уроком? Я с подозрением прищурился, оглядывая картину гогочущих ребят. Моё терпение находилось на исходе, и ещё пара капель должны были стать последними, после чего я уже не мог бы отвечать за свои действия. На моё счастье, или счастье моих соседей, в эту минуту дверь в кабинет с характерным скрипящим звуком раскрылась, и в класс вошёл наш преподаватель по физике. Значит, пора была прекращать гнусные шуточки про мою «ауру» и прочую ерунду, от которых моим нервам пришлось изрядно попотеть. Жаль, работа только на этом для них не закончилась, и уже после урока я столкнулся с новой проблемой: я даже не знал, в какой из групп по предметам я находился, где были кабинеты некоторых новых для меня учителей. Собрав всю свою волю в кулак, мне пришлось вновь примкнуть к компании этих самых Вестера и Даррелла, и я заметил, что вне класса они почти и не общались, ходили разрозненно, так что, я сразу понял, что особо близкими друзьями эти двое не были. Даррелл стремился к сборищу разукрашенных косметикой девочек, которые глупенько хихикали в ответ на каждое его слово. Я только устал вздохнул, увидев, как одна из них вдруг стала что-то быстро нащёптывать ему, схватив его за руку. А вот Вестер пристроился у окна, неспешно попивая кофе из стаканчика. Я и сам не заметил, как подошёл к черноволосой и довольно высокой фигуре, которая, увидев меня, еле заметно улыбнулась, наверняка создавая в своей голове новый план розыгрышей. Я вовсю готовился к новому потоку «смешных» шуточек, но вместо этого обнаружил только приветливость и

желание помочь. На секунду я остановился, когда Вестер сказал, что проведёт меня до кабинета, я застыл, врос в светлый пол.

— Слушай, что опять не так с твоей аурой? Я вижу, что она запятнана чем-то чёрным, чем-то... необъяснимым.

И я ткнул его кулаком в плечо со словами:

— Отстань.

И Вестер снова засмеялся, вновь погружая воздух вокруг себя в искристое содрогание. Юноша по-прежнему шурился, и тёмные-претёмные глаза его опять насмешливо, но как-то по-доброму светились. Мне, наверное, стоило с этим смириться, поэтому я просто отпустил своё раздражение свободным потоком лететь в пустоту. Я последовал за Вестером, который уверенно вёл меня к классу истории, где проходил второй урок. Мы сели с ним вместе за одной партой, потому что, как он объяснил, сидел обычно со своей подругой, которая вместе с его сестрой совсем недавно укатила в Италию по каким-то неясным мне причинам. Вестер пообещал познакомить меня с ними обеими, но пока я не горел этим желанием и просто радовался от мысли, что мне было, где и с кем сидеть. А также с кем пообщаться, пока я не найду кого-то, кто не шутит про ауру и не здоровается со всеми на иврите.

— Леитраот! — на «шаломе» все не заканчивалось, и на выходе из школы Вестер попрощался со мной, расплывшись в безмятежной улыбке. Я удивлялся тому, как он мог постоянно улыбаться и при этом ещё что-то шутить, да так, что я даже подустал от вечного позитива за несколько уроков. Хотя я был рад от того, что не вечный пессимист сегодня подал мне руку помощи, а иначе я бы окончательно расплылся кислой лужицей по холодному школьному полу.

Стоило же мне выйти из школы, как я вновь почувствовал былое настроение, которое сегодня отражалось во всем городе. Я и сам не заметил, с каким наслаждением спускался по школьным ступеням на улицу, попадая под сильнейший ливень. Это была привычная для нашего маленького английского городка погода, но сегодня она удивительно совпала с моими мыслями. Я был сконцентрирован на размышлениях о сегодняшнем дне, пролетевшем почти как одно мгновение, но оставившем где-то внутри ощущение, что я не переживу этот год. У меня даже не было причин учиться ещё целых девять месяцев, потому что я уже не видел никаких перспектив, и я нещадно нуждался хоть в какой-то мотивации — так я думал, пока вдыхал промозглый и в какой-то степени пьянящий воздух во время дождя. Я не ощущал даже того, как по лбу стекали капли, проплывали мимо носа и оказывались возле губ. Я шлёпал по лужам массивными ботинками, увиливал от червей, роившихся в этих самых лужах, и абсолютно не заботился о том, что будет завтра. Часы уже всё равно пошли, а я не мог их ни ускорить, ни остановить. Так что пусть всё будет так, как будет — я всё ещё думал об этом, когда переходил безлюдный переход на одной из самых глухих улиц, где расположились низенькие дома с тёмно-серыми крышами и маленькими окнами. Именно так я думал, пока

не заметил, как на меня со всей скоростью двигался велосипед. Не машина и не автобус, а всего лишь велосипед, ознаменовавший начало всего того, что со мной произошло. Конечно, тогда я об этом даже и не догадывался.

Якорь брошен

Как-то так получилось, что я остановился посреди дороги, застыл, пропал, как это бывает в фильмах — вздохнуть даже не удаётся. Стоишь, словно тебя какая-то сила не отпускает с места, и глядишь во все испуганные глаза на приближающуюся катастрофу, при этом ещё и мысли будто покрываются пеленой.

Я сейчас поступал точно так же: один на середине перехода, вокруг ни души, только и слышатся, что шум ветра в ветвях ближайших деревьев да крик девушки, восседающей на простеньком красном велосипеде. А велосипед всё ехал мне навстречу, со свистом разрезая воздух и отчётливо скрипя шинами в попытках остановиться. До меня не сразу донесся крик девушки, он как бы пролетел сотню километров, прежде чем оказался в моих ушах, а когда оказался, я только и успел, что отпрыгнуть, едва не столкнувшись с колёсами. Я упал на асфальт, на океан луж после дождя, поцарапал ладони о корявое покрытие дороги, расчертив на них красную полосу, намочил и джинсы, и кроссовки, и рукава чуть помятой рубашки вместе с курткой. У меня не вышло сразу привыкнуть к миру вокруг, и каких-то несколько мгновений перед глазами плавали какие-то серые линии, сливавшиеся с таким же тусклым окружением из домов и неба. Затем бесцветность вмиг превратилась в игру красок, когда передо мной возникло что-то рыжее, едва ли не багряное и пока неизвестное. Пришлось сфокусироваться, отбросив туманных призраков в сторону, и тогда я увидел распахнутые глаза, похожие своим желтоватым цветом на кошачьи, не сводившие с меня взгляда, спрятавшиеся за тоненькой оправой круглых чёрных очков. Девушка чуть потупилась, когда поняла, что я теперь смотрел на неё в упор, не стеснясь своей же многозначительности, ни улыбаясь, ни злясь. Я лишь засмотрелся на её чуть топорщившуюся верхнюю губу, блестящую на осеннем солнце, которая будто приоткрылась специально для того, чтобы поцеловать меня. Скорее всего, эту мысль тогда выдумал мой воспалённый после неудачного падения мозг, возомнив, что сейчас я внезапно окажусь в фильме, и всё пойдёт по накатанному сюжету. На деле же, незнакомка лишь легким движением руки отбросила назад волосы цвета яркого костра и постаралась выжать из себя неясное подобие улыбки. Интересно, догадалась ли она, что со мной всё было в порядке, или пыталась совладать с нарастающими эмоциями?

— Ушибся? — наконец, я услышал её голос, отдалённо походивший на голос какой-то актрисы, а какой — я не помнил.

— Нет, кажется, всё в порядке. Или не совсем.

Я схватился за голову, слегка сморщившись и отвернувшись в сторону.

— Голову ушиб?

— Да-а, — вымученно произнёс я. — Похоже на то.

— Тогда пошли скорее! — боковым зрением я уловил волнение в её глазах, но может мне только показалось. Хотя голос и, правда, звучал испуганно.

— Куда? — хрипло изрёк я.

— В больницу, конечно.

— погоди! — я словно очнулся ото сна и воскликнул: — У меня там мама работает, лучше не надо.

— Хорошо, — она некстати пришла в замешательство и чуть позже добавила: — Давай тогда я сама тебя посмотрю? Голова болит? Может, у тебя где-то ранка есть? — засуетилась она, чуть наклонившись, и мне посчастливилось одним глазком увидеть верхнюю часть груди, выглядывающей из-под длинного расстёгнутого плаща и блузки с вырезом под ним. Позже всё же пришлось отвлечься от этого вида, когда незнакомка коснулась пальцами моего левого виска и стала напряжённо вглядываться туда, словно там что-то было, а я ничего не чувствовал. Я понял, что, заметь она, как откровенно я пялился до этого на её тело, тотчас бы бросила меня валяться на мокром асфальте, пока меня заливал бы дождь. А ливень и впрямь не прекращался, и мы находились в притягательной близости с этой девушкой, я даже слышал запах её едва различимых цветочных духов, смешавшихся с дождём, и долго не мог оторвать глаз от её чуть сурового лица с очками, как у Гарри Поттера, на переносице. Наверное, я и впрямь ушибся, причём достаточно сильно, потому что меня посетила не самая лучшая идея пригласить незнакомку к себе домой. Я знал, что она вряд ли бы согласилась, но вместо этого я услышал:

— Всё в порядке. Ты жив и абсолютно здоров. Но так как ты всё-таки намочил одежду и немного пострадал по моей вине, я приглашаю тебя к себе. Выпьешь чаю, согреешься, и будет лучше, — сказала она в тот момент, как её лицо осветила приятная улыбка, отчего её едва заметные пухлые щеки украсили две ямочки по обе стороны.

Такого предложения я совсем не ожидал и не мог ожидать. Вот я уже попытался привстать, когда девушка подала мне руку, снова легко осветилась улыбкой и помогла мне усесться позади неё на чуть потрёпанном велосипеде.

— Ты уверена, что ты сможешь вести?

Мы ещё не начали движение, поэтому она тут же повернулась ко мне, отчего её волосы прошли по моему лицу. Она окинула меня странным взглядом и сказала:

— У тебя есть идеи?

«Конечно, есть» — подумал я. Вслух этого не сказал, а только попросил девушку слезть с велосипеда, и тогда я сам сел за руль, предложив спутнице место за мной. Она только беззлобно хмыкнула и послушно опустилась на багажник. Она сделала это, и я сразу ощутил те самые цветочные духи ещё ближе, чем до того, а также руки девушки вокруг

моего живота. Я понял, что теперь всё было готово к тому, чтобы ехать, и, оттолкнувшись промокшими ботинками от земли, чуть поднатужившись, мне удалось поехать. Я почувствовал, как руки девушки крепче обхватили меня, она почти прижималась ко мне подбородком, а её волосы развевались, когда дул ветер, и я мог ощущать их щекочущие прикосновения при поворотах дороги на моей шее, совсем немного. Это меня слегка отвлекало, и вот я уже забывал, куда еду, очертания домов расплывались, серое небо словно оседало с каждым метром. На одном из мостиков через каналы я едва не врезался в ограждение, что грозило неминуемым падением в воду, и тогда девушка чуть вскрикнула, но всё обошлось. Можно было подумать, что я никогда не общался с представительницами противоположного пола так... близко. Примерно такие мысли закрадывались мне в голову, и я сам начинал сомневаться: а не было ли всё то, что осталось в прошлом, лишь плодом моей фантазии? В любом случае долго мне не приходилось рассуждать об этом, потому что спутница то и дело диктовала мне наш маршрут, протягивая вперёд палец и тыча в воздух, в то место, куда нужно было повернуть, и я послушно заворачивал. Где-то на середине пути, как мне показалось, она вдруг сказала:

— Тебе не кажется, что та машина сзади нас преследует? — я не мог увидеть того, о чём говорила девушка, поэтому мне пришлось на короткое мгновение повернуться. Я чуть не потерял курс движения и не выпустил руль из рук, отчего велосипед дёрнулся, но зато я увидел светло-серую машину, ехавшую прямо за нами. Учитывая, что мы ехали по обыкновенной дороге, в этом не было ничего необычного или сверхъестественного:

— Она же просто едет по своим делам, — сказал я, вернувшись в прежнее положение.

Моя спутница недолго помолчала и выпалила:

— Ты не прав! Она едет за нами уже довольно долго.

— Значит, наши пути совпадают.

— Такого не может быть, — я услышал её стихший голос. Прозвучало так, словно она обиделась или испугалась. Странно, я не мог этого понять, и просто продолжал вести велосипед по промозглым улицам, наслаждаясь сыростью в воздухе. Дождь уже закончился, и теперь на небе, высоко, прямо над двухэтажными домиками, завис разноцветный мостик. Когда мы с моей незнакомкой подъехали к её дому, радуга уже спряталась за тучными облаками.

— Спасибо, что подвёз, — сказала рыжеволосая девушка, слезая с велосипеда. Я повернулся к ней и теперь мог любоваться её чуть уставшим после поездки видом, ничуть не потерявшим от этого некую притягательность. Очки спутницы были в каплях воды, и я позволил себе непозволительное: аккуратно снял их с её переносицы и протёр платком, который я выудил из кармана куртки. Я сразу же уловил нотки благодарности в глазах девушки, когда вернул очки, вновь невесомо опустив их на её нос.

— Саванна.